ЖИТИЕ СВ. БЕНЕДИКТА АНИАНСКОГО

Ардо по прозванию Смарагд (IX в.)

Пер. с лат. Vita S. Benedicti auctore Ardone seu Smaragdo, ejus discipulo // Patrologia Latina, T. 103 – pp. 351-383.

В переводе Константина Чарухина

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

1. Заслуженно чтимым господам отцам и братьям, служащим в монастыре Инда Иисусу-Богу, Ардо, слуга Христов, желает здравствовать. Уже давно, возлюбленнейшие братия, доставлены были мне ваши письма, полные благоговейной любви к воспоминаниям об отце нашем авве Бенедикте, кратко, но любовно описывающие его исход и преставление ко Христу. В этих письмах вы изволили увещевать моё недостоинство, чтобы я пространнее описал начало иноческого жития (conversationis) его для тех, кто жаждет услышать о нём, но, сочтя бремя сие пока ещё превосходящим силы мои, я отложил сие. Ибо тем, кто со сметливым прилежанием пишет жития заслуженно чтимых предшественников, славных добродетелями, подобает заботиться о том, чтобы ни пропустить полезного по нерадивой рассеянности, ни добавить лишнего ради красного словца, но по тщательнейшем исследовании, заручившись свидетельствами очевидцев, писать беглым пером; не отягчить слух знатоков оттенком простецкой грубости, но произвести речи с изюминкой изысканности и отшлифованными выражениями, так сказать, приласкать слух хулителей. Я же, достоверно зная о своей неопытности, но обязанный слушаться предписаний ваших, долгое время отмалчивался и воздерживался от сего [труда], дабы исполнили его более сведущие [писатели]. Ибо считаю, что вышло бы прескверно, коли я прикоснулся бы к житию столь великого заступника (patroni) неискушёнными словами и лишил бы заслуженного труда более опытных, которые обильной мощью слов могут всё, что пожелают, изложить пышно, и править челном среди отмелей (syrtes), ничего не страшась, и избегать гнусных солецизмов, и, наделённые даром красноречия, благодаря обильной мощи речи, способны присмирить языки хулителей. Я страшился, как бы не стали править они скверный слог, почтя в раздражении своём [и содержание] ничтожным из-за дурного изложения. Тем более [устрашился я], узнав, что вы прислуживаете в дворцовом храме и не пьёте из волн мутного ручейка, а, скорее, прилежно утоляете жажду водами чистейшего источника, бьющего из неистощимых глубин премудрости. Таковая причина задержала меня на целый год.

2. Между тем братия, коих он (*св. Бенедикт. – прим. пер.*) в благочестивых трудах породил для Христа, начали меня колкими словами пробуждать от косности и принуждать воскресить для них историю жизни того, с кем, как известно, они разлучены лишь телесным общением, но не полнотою любви. Поэтому наконец я приступаю к исполнению оного труда. Дерзновение и благостный совет подала мне также обитель, которая, как известно, впервые была возведена им, и братья, знавшие начала его иноческого жития. Ибо едва ли возможно, чтобы не ведали они происшествий, о коих слыхали другие. Итак, поскольку с моей точки зрения, сведения отчасти собраны, я готовлюсь точнее изложить материал сего труда и чрезвычайно стараюсь шире распространить, как бы некий рассадник, со смиренной мольбою прося о том, чтобы, если кому сей труд окажется не по нраву, то пускай откинет его или поправит, а иначе – пусть почитает и позволит передать желающим, а сам обратится к чтению житий предшествовавших Отцов. И если найдёт, что сие житие насколько возможно не отклоняется от стезей их, то да возрадуется, ну а иначе – не отвергает, опрометчиво осудив, а, слёзно ходатайствуя, вверит [меня] многогрешного справедливейшему Судии.

3. Поскольку я послушался вашего веления, о святейшие братия, прошу поддержать меня в молитве к Богу, дабы по вашим молениям Он и мне даровал прощение прегрешений моих, и последователей прибавил. И опять же настоятельно

умоляю подвергнуть сию работу внимательному изучению, и всё, что вы в ней признаете написанным скверно, тщательно отделав, исправьте, а если что полезным, то бережно сохраните в тайнике сердца. Раз по повелению вашему я, лишённый силы молчания, соблюл его лишь в чувстве, а не на деле, то, не настаивая на том, чтобы я безмолвствовал, вы позволите мне разговаривать с вами. А поскольку Элисакар (*Элизагар, ум. ок. 837 г., настоятель монастырей Св. Альбина Анжеского и Св. Рихария, канцлер Людовика Благочестивого*) был привязан к преставившемуся от мира несравненным чувством любви (о чём свидетельствуют полученные мною письма его, что драгоценнее золота), то я думаю отдельно представить ему [мой труд] после вашей оценки. Буде решит он, что подобает сокрыть [сие житие], прошу прощения за мою ошибку; если же найдёт его полезным, то пускай то, что в житии покойного показалось живому достолюбезным, послужит примером для старательного подражания. Ведь, как я полагаю, никто из учёных людей не сомневается, что есть весьма древний обычай, доселе соблюдаемый королями: предавать всё, что творится да случается, записи в анналах на память потомкам. А поскольку ум, разделяясь между различными предметами, ослепляется забвением, и по совету, думается, свыше для предотвращения забвения с течением долгого времени те [события], о которых радостно читать, были вверены на сохранение письменам, то жаждущие такового чтения ликуют и рассыпаются в благодарностях. И не осуждают они в опрометчивости автора книги, с которой они страстно домогались ознакомиться, даже если и случится в ней прошуметь недостаточно отшлифованным словам. Итак, да будут они так снисходительны к нам, что и предшественников прочитают жития, и потомкам передадут то, что мы видели либо слышали в сии наши времена, для приумножения пользы душам; и да не обвинят нас за неопытность в речах, отдающих простецкой неотёсанностью, поскольку, думается мне, спасительный пример (normam) можно выразить и грубыми словами, а прекраснейшую сладость открыть и в простеньких строчках. Пускай каждый сам выберет, что окажется душе благоугодно.

НАЧИНАЕТСЯ ЖИТИЕ

4. Итак, досточтимый муж по имени и заслугам Бенедикт (*«Благословенный». – прим. пер*.) родился в готском роду и в пределах Готии. Происхождением он был из благородных (но Вышняя милость облагородила его более высокой честью, наделив добродетелями). Ибо ведь отец его до конца жизни держал за собой графство Магелонгское (*позднее известное как Мельгёй в районе совр. г. Могио. – прим. пер*.) и, будучи отважен и сметлив, всеми силами выступал за племя франков, полностью преданный им, а для врагов был весьма грозен. Ибо он учинил великое побоище баскам, которые ради грабежа вторглись в пределы франков, и никто из оных не избежал [гибели], разве что кто проворный спасся бегством. Он вышеназванного сына своего в детские его годы передал королеве – на воспитание среди школяров при дворе славного короля Пипина (*III Короткого, прав. 751-768 гг*.). Одарённого умом не по годам, его любили соратники, ибо был он скор и ко всему пригоден. Потом он был принят на должность виночерпия. И воинствовал он во времена вышеназванного короля, а после его кончины, когда кормилом государства завладел преславный король Карл, он стал преданно служить ему.

5. Между тем, просветлённый благодатью Божией, воспылал он вышней любовью, всем существом возжаждал покинуть мир и проникся отвращением к тленным почестям, которых, как он видел, мог достигнуть трудами своими, но вскоре отказался от обретения их. И скрывая это в сердце три года, он втайне внимал одному лишь Богу, приобщаясь мирских дел телом, не умом. А в течение этого

времени он проверял, сможет ли держаться предельного самообладания, лишать тело сна, удерживать язык, воздерживаться от пищи, меньше потреблять вина и, словно опытный атлет, подготовить себя к будущему бою. Ибо ведь ещё пребывая в мирском звании (*или одеянии – «habitu». – прим. пер*.), он заранее продумывал то, что потом неукоснительно исполнил; но, хотя он желал бы совлечься мирских дел, всё же колебался относительно способа**,** каким образом сие подобает совершить: то ли приять одеяние странника, либо же лучше присоединиться к кому-нибудь и бесплатно пасти людских овец или скот, а то даже заняться в городе сапожным ремеслом, а что удастся заработать – раздавать нищим. После таких вот мучительных колебаний он с любовью обратился к жизни монастырской (regularis).

6. Ибо же в тот год, когда Италия покорилась владычеству славного короля Карла, его брат неосторожно пытался пересечь некую реку и был захвачен поднявшимися волнами. Бенедикт, сидя на коне, увидел бедствие брата и бросился в пучину волн, чтобы подать избавление погибающему, и, подплыв на коне, дотянулся до братниной руки, а когда схватил её, сам был схвачен, и, пытаясь выручить умирающего, едва избежал пагубы смертной. Тогда он связал себя обетом Богу, а затем, чтобы не служить больше миру, направился на родину, но не сообщил сего отцу (в оригинале череда созвучий: «Patriam petit, sed hoc patri non patefecit»). Был, однако, некий инок, Видмар именем, света очей лишённый, но преисполненный света сердечного, коему Бенедикт поведал о своём желании; он же сохранил его тайну и подал ему здравый совет. Итак, приготовив всё, он пустился в путь якобы на Ахен, но, когда добрался до обители св. Сиго (*ум. ок. 580 г., пам. 19 сент*.), спутникам своим повелел возвращаться на родину, а сам себе постановил в этой самой киновии служить Христу-Богу. Он просил позволения вступить [в монастырь] и, получив оное, вскоре удалил волосы с головы своей и приял облачение (*или «образ жизни» – habitum, – прим. пер*.) истинного монаха.

7. Став же монахом, он в течение двух лет и шести месяцев сокрушал тело своё невероятным постом. Ведь, будучи суров с плотью своей, как с кровожадным зверем, он вкушал пищу крайне скудно: тело подкреплял хлебом и водою, уберегая его, скорее, от смерти, чем от голода, а уж вина избегал, точно смертоносного яда. Если его истомлённый дух порой желал вкусить сна, он устраивался на убогой подстилке, чтобы малость передохнуть, а порой в чрезвычайном изнеможении отдыхал, простершись на голой земле, тем самым паче отдохновения укрощая себя. Зачастую также он проводил ночь в бдении на молитве, стоя, промёрзнув, босыми ступнями на ледяном полу, а пребывая в божественных размышлениях, он был так сосредоточен, что в продолжение множества дней предавался священному псалмопению, не нарушая правила безмолвия.

Пока все почивали, он мыл водою и вытирал их обувь и, чистую, возвращал на подобающее место. Вот ведь беда-то: некоторые, словно напрочь обезумев, швыряли сапоги стоявшему поодаль, но он благодаря высшей рассудительности сносил их буйное безрассудство с благим спокойствием. А в одежде он опустился до такого убожества, что не знавших его едва ли можно убедить, что это вообще вероятно: ведь ряса его была убога и ветха, а менял он её лишь по прошествии многих дней. Потому-то на его заскорузлой коже и развелась уйма вшей, которые снедали члены его, истощённые постами. Куколи его были чрезвычайно обветшавшими, и если ткань порой от старости разрывалась, он зачинивал отверстия первым попавшимся лоскутом, даже другого цвета, что делало его довольно нелепым. По этой причине многие осмеивали его, колотили и оплёвывали, но дух его, устремлённый в небеса, добивался вящего убожества, и когда прочие в

праздники одевались наряднее, он без смущения носил [свои лохмотья] перед взорами всех. В то время он никогда не баловал тела своего купаньем, но о чистоте в монастыре, насколько позволяли возможности, заботился.

8. Благодаря снисходительной Божией помощи ему было даровано таковое сокрушение, что плакал он, сколько желал. Ежедневными слезами, ежедневными рыданиями вскармливал он страх перед геенной, охотно воспевая оное Давидово причитание: «Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами» (*Пс. 101:10*). Побледнели уста его от поста, и худобою истощилась плоть, сморщенная кожа держалась на костях, свисая наподобие бычьего подгрудка. Молодое тело своё он не просто укрощал, словно необъезженного коня (animal), но, скажем так, умерщвлял; а когда настоятель попытался убедить его смягчить суровость по отношению к самому себе, отнюдь не выразил на то согласия. Заявив также, что устав блаженного Бенедикта написан для новоначальных либо больных, он силился взойти к речениям блаженного Василия, а также уставу Пахомия и, хотя исполнял [труды], возможные для слабых, постоянно доискивался невозможных. Он предвкушал их в покаянных слезах, будучи неподражаем ни для кого или для немногих, но споспешением благодати Божией, дабы стать образцом спасения для многих, воспылал любовью к уставу вышеназванного мужа Бенедикта и, словно небывалый атлет, из одиночного поединка отправился на поле боя сражаться за общее дело. Между тем он начал исправлять нравы других, нерадивых порицая, увещевая новичков, праведных побуждая совершенствоваться, неправедных поощряя исправляться.

9. После сего возложили на него должность келаря, на которой он, памятуя Устав вышеназванного Отца, самого себя из всех сил старался смирять, просящим дозволенного – без промедления предоставлять [желаемое], дурно просящим – отказывать, от требующих невозможного – мягко отговариваться. А поскольку он не подавал им чарку по первой прихоти, многие поглядывали на него недобрым взором. О пришлецах, младенцах и нищих он нёс заботу со всяческой чуткостью. Даже настоятель чтил его с величайшей любовью, ибо он был во всех делах полезен и, внимательный ко своей жизни, заботлив о спасении других, и усерден в служении, и, осторожный в речах, чрезвычайно скор на послушание, а в увещаниях – обходителен. Ибо ведь наряду с прочими многочисленными добродетелями милость Божия наделила его также даром разумения и избытком духовного красноречия.

10. После того, как в спасительных делах протекли пять лет и восемь месяцев, настоятель вышеназванного монастыря преставился от мира. Тогда все единодушно и по общему согласию избрали себе главою Бенедикта. А он, видя, что его и их нравы не сходны, поспешно пустился в путь в отеческий край, где в отцовых и своих владениях у ручья, именуемого Аниан, что недалеко от реки Эро, он вместе с вышеназванным мужем Витмаром и горсткой других построил для житья скромную келью подле убогой церкви блаженного Сатурнина. И в сем месте он прожил несколько лет в великой нужде, дни и ночи со слезами и рыданиями моля милостивого Бога, дабы исполненное желание его довёл Он до совершенного исполнения (effectum proveheret efficacissimum).

И жили в ту пору в оной провинции некие доблестные мужи высочайшей святости, а именно Атилио и Небрид, а также и Анниан, ведшие житие иноческое, но не ведавшие соблюдения устава; познакомившись с Бенедиктом, они немало полюбили его. Так что, когда враг пытался порой нападением хоть немного одолеть его, он, немедля оседлав ослика, срочно поспешал к Атилио, жившему ближе к нему.

11. Итак, в первое время, великое множество пылавших духом, оставив мир, пытались вести вместе с ним иноческую жизнь, но, сломленные духом, ужаснувшись новому роду подвига, когда от них требовалось следовать путём неслыханного воздержания – потребляемого хлеба отвешивать, а вина отмерять, – вскоре, как свиньи в нечистоты и собаки на блевотину (*ср. 2 П. 2:22*), ступив было на стезю спасения, сходили с него. Насмотревшись на их неустойчивую веру, человек Божий обеспокоился и захотел вернуться в свою киновию. По каковой причине и пришёл к вышеназванному мужу посоветоваться; тот же, когда он поведал о своём желании, укорил его, сказав, что ему было открыто с небес, что он дан светочем людям, и сего ради подобает стойко исполнять начатое благое дело (*ср. Флп. 1:6*), а сие [желание] учинено обманом древнего врага, который, всегда завидуя добрым, враждебен деяниям их, и никогда не следует с ним соглашаться. И поддержанный так советом Атилио, Бенедикт бестрепетно приступил к свершению того, к чему стремился пылающим духом: он начал, не на чужом основании созидая (*ср. Рим. 15:20*), а сызнова строить дома и старательно пролагать неведомый путь спасения.

12. Итак, досточтимый муж Бенедикт с несколькими приобщившимися к нему братьями (которые стеклись к нему, когда распространилась молва о нём) начал в уже упомянутом месте процветать во святом иноческом подвиге, радушно указывать желающим небесную стезю и работать своими руками (*ср. 1 Кор. 4:12*), а чтобы, проповедуя другим, самому не оказаться негодным, первым старался исполнить то, чему убеждал следовать. Ибо не оставил он начатого труда, испугавшись нужды, но пребывая, как молвит Апостол, «в голоде и жажде.., на стуже и в наготе» (*2 Кор. 11:27*), увещевал подначальных держаться невозмутимости сердечной, уча, что тесен и узок путь, ведущий в жизнь (*ср. Мф. 7:14*), и что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая должна открыться святым (*ср. Рим. 8:18*). Каковым поучением укреплённые, они стремились изнурять себя ещё большими трудами.

Собственности у них тогда не было никакой: ни виноградников, ни скота, ни лошадей; был только один ослик, с помощью коего братья по очереди облегчали усталость, когда требовалось куда-нибудь съездить. Вино они вкушали только по воскресеньям и великим праздникам. Порой окрестные бабы утоляли голод их, принося молоко, а то тела их чахли от сухоядения, питаемые лишь хлебом да водой. А чтобы защититься от леденящей стужи, они, выстаивая ночные богослужения, закутывались в одеяла. Хотя были они нищи вещами, заслугами – богаты чрезвычайно; и когда нужда изнуряла тела их, души их пуще вскармливались добродетелями. И они пламенели небесной любовью, и лишь слёзы доставляли им утешение в тяготах. Древний враг, видя их нерушимое братское единство, постарался расторгнуть его таковым ухищрением.

13. У них была единственная мельница неподалёку, где они мололи зерно, какое им удавалось заиметь. И однажды ночью к ним пожаловал чужак, побуждаемый дурными замыслами, коего они уложили на ослиной подстилке, чтобы он по мере возможности отдохнул. А он, бодрствовавший со злым умыслом, встал, когда они заснули, и, унеся с собой то, на чём лежал, ковш, из коего пил воду, да не позабыв и мельничные орудия, ушёл – воздав злом за добро. Обнаружив наутро пропажу, ученики рассказали о том наставнику, а он научил их благожелательно переносить причиняемые им обиды и ущерб считать приобретением (*ср. Флп. 1:21*), убеждая, что скорее сожаления достоин тот, кто, постаравшись приобрести выгоду, погубил веру.

14. Между тем толпа учеников начала постепенно возрастать, а молва о благоговейном подвижничестве, понемногу передаваясь окрестными обитателями из уст в уста, распространилась и долетела до отдалённых мест. И поскольку долина, в которой он поначалу обосновался, была чрезмерно тесна, он помаленьку начал новостройку за пределами монастыря. Порой он сам с работавшей братией соработал, порой готовил им пищу на пропитание и, даже занятый стряпнёй, пытался притом писать книгу. Часто, по причине нехватки волов, он вместе с учениками доставлял дрова на собственных плечах.

А в том месте, где они вели строительство, возводя монастырь, был храм, который они расширили и освятили в честь Святой Богородицы Марии. По мере того, как отовсюду стекались люди и наперебой просили принять их под начало Бенедикта, постройка монастыря продвигалась быстро; и осыпаемая дарами обитель прирастала имуществом, поскольку каждый отдавал из достояний своих, что мог. И постановил он не делать красивых стен, штучных потолков, крыш из рдяной черепицы, а возводить убогие глинобитные здания и покрывать их соломой. И хотя число братии многократно возрастало, он всегда добивался большего убожества и скромности [построек]. Вот почему, если кто пытался из достояний своих принести что-либо в монастырь, он соглашался; если же пытались присовокупить рабов и невольниц, отказывал; и не позволял в то время никого отписывать монастырю, но повелевал всех отпускать на волю. И не желал он, чтобы сосуды для приношения Тела Христова были у него из серебра, а были они у него сперва деревянные, затем – стеклянные, и в конце концов он допустил оловянные; и отказывался носить шёлковую казулу, а если кто-нибудь ему таковую дарил, тут же отдавал её носить другим.

15. Между тем в оном краю и окрестностях появлялись благочестивые мужи: строя монастыри, собирая монахов и подвизаясь по примеру блаженного мужа, они, вразумлённые его наставлением, отсекали прежнюю жизнь и прежние заблуждения. Им он был как отец, оказывая помощь и поддержку не только в духовных делах, но и в земных. Часто навещая, он увещевал их не оставлять начатого дела, чтобы дух их, угнетённый нуждою и сокрушаемый страхом, не обратился назад. И вот, подкрепляемые спасительным назиданием, киновии росли в числе, и воинство монахов стало весьма многочисленно.

16. И как случился в то время тяжелейший недород, то стеклось к нему множество нищих, вдов и сирот, и теснились во вратах монастыря да на дорогах. Видя, как истаяли они от голода – хуже того, иссохли почти до смерти, – мучился он, поскольку не знал, как прокормить такое множество. Но поскольку ни в чём не бывает недостатка боящимся Бога, он до сбора нового урожая повелел отдельно отложить что довольно будет для братии, а прочее через назначенных братьев предписал каждый день раздавать. Также ежедневно выдавал он говядину да яйца, а ещё уделял в подаяние овечье молоко. Поэтому просители соорудили себе хижины в подобающих местах, где и обитали до нового урожая. Когда еды стало недоставать, Бенедикт предписал сызнова измерить запасы, отложенные для братии, что было сделано трижды. Души же братьев исполнились такого искреннего милосердия, что они охотно отдали бы всё, если бы было дозволено. Ибо каждый, что мог отнять у себя, тайно относил изможднённым недоеданием, ибо они были на грани голодной смерти. И не раз кто-нибудь, взяв в рот хлеб, внезапно умирал.

17. Думаю, не следует умолчать и о том, что, когда в то время почти всю провинцию поразила извращённая Фелицианова догма (*еретическое учение еп. Феликса Урхельского, разновидность адопцианства, отрицавшего божественную природу Христа, якобы лишь «усыновлённого» Отцом. – прим. пер*.), Бенедикт с помощью Божией невредимо избежал пагубы зловерного заблуждения и многих, не только низших членов, но и предстоятелей Церкви избавил от оного своим радением и часто, вооружённый копьём истинного рассуждения, выступал против нечестивой догмы.

18. И был в то время сонм братьев уже и многочислен, и снедаем пламенной жаждой вечной жизни. Ибо ведь состязались они, кто из них будет смиреннее, или кто более скор на послушание, ревностнее в воздержании, на бдениях раньше прочих, а в речах – позднее, кто одеждой беднее, а любовью горячее. Бывали у них и откровения.

Ибо же был некий брат, не особенно складный в том, что касается человеческой красоты; и когда Отец заметил неловкую его походку, то рассудил, что духом он так же неотёсан. Однако сей, будучи возведён в исступление (extasi), увидел собрание стаи горлиц: иные из них сверкали дивной белизной, иные же украшены дивной пестротою, а у иных головы были преотвратного цвета. Когда же он стал расспрашивать, что значит сие, названы были ему имена каждого, кого или нерадивость сделала чёрным, или усердие наделила сиятельным блистанием. Придя в себя, он сообщил Отцу о виденном и посоветовал, чтобы не презирал его. А тот, исследовав деяния каждого и обнаружив, что умы братьев, о которых ему говорил сей брат, в беспорядке, наставил их, наложив благостную припарку наказания, на соответственный путь.

19. Но древний враг, с досадой перенося единство и прибавление благого стада, постарался смутить сердца хотя бы некоторых, дабы добиться изгнания благого устроителя из собственной овчарни его. Ибо многих он своими ухищрениями отвратил от монастыря, многих привёл в замешательство, но не смог смутить ума, закалённого бедствиями. Вновь собравшись с сломленными, готовыми было уже иссякнуть силами, он подстрекает послушных себе, велит нанести ущерб, приказывает украдкой и открыто уводить коней и быков. Но тот, кто Бога предпочёл всем вещам, без скорби (sine dolore) лишился того, что без страсти (sine amore) приобретал. Каждый видел, что он ничуть не волновался из-за утраченной вещи, пропавшей никогда не пытался вернуть, украденной никогда не разыскивал, укравшему, коли того ловили, оказывал благодеяние и тайно, дабы [вновь] не был пойман, отпускал.

И когда некто украдкой увёл монастырских лошадей, соседские жители, изранив, поймали его и представили Отцу. А он, издержавшись на того, привёл к нему врача и отпустил, вылеченного, невредимым.

Случилось же в другой раз, когда досточтимый Отец был в дороге, и другой брат сопутствовал ему, встретился им некто верхом на коне, угнанном из монастыря. Брат же, испытующим взором присмотревшись к нему, узнал украденного и немедля громко закричал, что это монастырский конь. А Бенедикт повелел ему смолкнуть. «Часто один конь бывает сход с другим», – молвил он. Наедине же выбранил брата, сказав: «И я его признал, но решил, что лучше промолчать, чем причинить постыжение».

20. А поскольку всемогущий Бог, который всё сотворил, в подобающие времена совершает также чудеса через слуг своих, кратким очерком упомяну, что Он соделал чрез Бенедикта. Как-то раз пожар охватил здание, расположенное близ храма Пресвятой Девы Марии. И когда ненасытное пламя достигло сухой соломы, сбежались скорбящие братия и, видя, что оно стремительно пожирает здание, выстроенное ими с великим трудом, с предельным усердием старались, чтобы огонь не поджёг церковь по соседству, ибо пожар нёсся целиком в том направлении. Пришёл поглядеть на это также и отец Бенедикт, коему братья немедля повелели пособить им молитвами. А он, вмиг повиновавшись повелению братьев, простёрся со слезами пред алтарём Пресвятой Богородицы и Девы Марии. И когда он молился, милостивым Божиим споспешением пожар обратился в противоположном направлении.

21. Также в то время нагрянуло такое множество саранчи, что гущей своею она затмевала лучи солнца. Сбившись в алчную кучу она осела на ближайшем к монастырю винограднике, от которого братия обычно получали наибольший урожай вина (pocula). Ну а муж досточтимый вошёл в храм Пресвятой Богородицы и жалобным голосом, обливаясь слезами, умолял Бога о помощи. И, успокоившись после учинения небольшого вреда, саранча улетела.

22. В другой раз огонь охватил соседнюю гору. С пересохшй травы и листьев он перекинулся в выжженную солнцем низину (terram) и двигался к монастырскому винограднику, грозя жаром своим уничтожить его. Весь сонм братьев сбежался тушить его, а с ними пришёл и досточтимый отец Бенедикт – и огонь внезапно сошёл с начатого пути и, разбегаясь направо и налево, стал гаснуть. И думаю, без молитвы его невероятно было бы одолеть столь великий пожар.

23. Ещё: на одного из братьев была возложена обязанность пасти скот. Собираясь отправиться из монастыря на своё послушание, он испросил у Отца благословения, и тот, немедля осенив его крестным знамением, сказал: «Господь да упасёт тебя!» А когда брат въехал в дикую местность, он встретился с двумя разбойниками, которые, когда он неосторожно приблизился к ним, схватили поводья лошади его, однако, пристально посмотрев на него и ничего не сказав, отпустили. А он поскорее уехал и, когда поведал о том Отцу, тот молвил: «Благословение Божие сохранило тебя невредимым».

24. Не следует обойти молчанием и то, что я сам наблюдал. Ведь некий брат, поставленный приором, но впавший в гордыню, был смещён с приорской должности. Он в итоге опустился до такого злобства, что, покидая монастырь, учинил разбой: тайком увёл лошадь из оного монастыря. Когда его остановили, Бенедикт велел связать ему ноги под лошадью и доставить в монастырь, а он вопил и клялся, что никогда оттуда не уйдёт. За безрассудство Отец приказал слегка проучить его розгами, а затем он до самого упокоения так праведно и благочестиво жил в киновии, словно бы в нём был сам злобный враг умерщвлён.

25. Доселе о жизни столь великого отца – как, просветлённый милостью Божией, оставил он мир и как переселился в пределы Готии да выстроил новой работы монастырь – сказано довольно. Ныне с помощью Христовой мы представим ясный отчёт о том, каким образом он по предписанию Карла [Великого] возвёл в том же месте другую киновию.

26. Итак, в год 782-й, а правления Карла Великого – 14-й, он при поддержке герцогов и графов принялся строить теперь другую церковь – в честь Господа и Спасителя нашего, да и монастырь новой работы с великим множеством колонн мраморных; и здания покрыл уже не соломой, а черепицею. И таковой святостью наделена та обитель, что каждый, кто придёт туда, искренне попросит и не усомнится в сердце своём, но будет веровать, сразу получит просимое.

А поскольку она сияет дивным благочестием, пришёл я к решению кое-что поведать об устройстве этой обители грядущим поколениям. Ведь досточтимый Отец по благоговейном размышлении решил посвятить вышеназванную церковь не имени кого-нибудь из святых, но, как уже было сказано, Божественной Троице. А чтобы это было, так сказать, ясней ясного видно, он в том алтаре, который явно был главным среди прочих, постановил воздвигнуть три жертвенника, дабы они наглядно символизировали в образах Лица Троицы. И дивным сим устроением изображалась как нераздельная Троица – тремя жертвенниками, так и сущностная цельность Божества – единым алтарём. Алтарь же тот снаружи сплошной, а внутри – полый; сие очевидно прообразует тот [ковчег], который Моисей соорудил в пустыне, а сзади у него была дверца, за которой в рядовые дни хранились взаперти раки с мощами разных отцов. Об алтаре сего рассказа довольно.

Перейдём к краткому описанию утвари в храме: сколько её и в каком порядке располагается. Так вот, известно, что все освящённые предметы том храме имеются в семеричном числе. Например, семь подсвечников, мастерски исполненных с дивным искусством. От их стволов ответвляются стержни, шарики с лилиями, стебельки с миндалевидными чашечками –явно сделанные наподобие того [светильника], что с дивным усердием соорудил Веселеил. Также семь лампад висели перед алтарём, дивные и прекрасные, отлитые с безмерным трудом – знатоки, охотно рассматривающие их, говорят, что выкованы они [по подобию тех, что были в храме] Соломоновом. Столько же других лампад – серебряных – висело в хоре коронообразно: по кругу располагались ёмкости, вставляемые в кольца. И есть обычай по главным праздникам зажигать их, наполнив маслом; а когда они зажжены, вся церковь сияет как днём, так и ночью.

Наконец, в той церкви или базилике есть три алтаря, один из которых освящён в честь святого Михаила Архангела, другой – в память блаженных апостолов Петра и Павла, третий – в честь благословенного первомученика Стефана. В церкви же Пресвятой Богородицы Марии, основанной вначале, имеется, как видно, алтарь святого Мартина, а также блаженного Бенедикта. Та же [церковь], что была построена на кладбище, освящена, как известно, в честь святого Иоанна Крестителя, больше коего по свидетельству речения Божия не восставал никто из рождённых жёнами (*ср. Мф. 11:11*).

Стоит вдуматься, какого трепета заслуживает за столь глубокое своё смирение и благоговение сия обитель, кою, как видно, жаловали столькие князья. Ибо ведь Господь Христос является князем всех князей. Он – Царь царствующих и Господь господствующих (*1 Тим. 6:15*), а пресвятая Матерь Его Мария, как верят, есть Царица дев всех; Михаил – всем предводительствует ангелам; Пётр и Павел суть главы апостолов; Стефан-первомученик имеет первенство в хоре свидетелей; а Мартин сверкает драгоценным камнем среди предстоятелей; Бенедикт является отцом монашествующих. Итак, в семи алтарях, в семи подсвечниках и в семи лампадах постигается семиобразная благодать Святого Духа.

27. Да знает всякий, кому любо читать или слушать сие житие, что сия киновия является главою всех остальных – не только тех, что, как видно, построены в пределах Готии, но даже и тех, что в ту пору и позднее были в других краях воздвигнуты по её примеру, а также одарены из сокровищ её, как будет рассказано в дальнейшем повествовании.

И предал он сердце своё изучению Устава блаженного Бенедикта, а чтобы уразуметь его получше, объезжал монастыри и расспрашивал всех знатоков о том, чего не знал; и собрал уставы всех святых, какие смог найти. И изучил он полезное, для монастырей целительное правило, и передал своим монахам для соблюдения. Он назначил певчих, обучил чтецов, завёл грамматиков и вдобавок – знатоков Писания, из коих некоторые потом стали епископами. Он собрал множество книг, драгоценные церковные облачения, огромные серебряные чаши, серебряные патены; и с величайшим усердием приобрёл всё, что усматривал необходимым для богослужения.

Итак, он стал всем известен, и молва о святости его достигла слуха государя императора. Тогда, заботясь о благе монастыря, приехал он к преславному императору Карлу и после благочестивого размышления передал ему по хартии киновию во владение, дабы после кончины его не потерпела она ущерба от переживших его родственников. И вскоре получил от императора иммунитет (*грамота об особых правах в своём феоде. – прим. пер.*), гласивший следующее: «Во имя Святой и Нераздельной Троицы, Карл, милостью Божией король франков и лангобардов и патриций римский.

Превеликое мы чаем укрепление опоры царства нашего в том, если наделим мы с доброхотным благоговением обители церковные подобающими бенефициями и, коли Бог защитит, предписанием нашим надёжно закрепим их за ними. Итак, да будет ведомо всем епископам, настоятелям, графам и виконтам, викариям, центенариям и всем верным нынешним равно как и грядущим, что досточтимый муж авва Бенедикт прибыл к нашей милости из монастыря новой работы имени Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Святой Приснодевы, Богородицы Его Марии и других святых, который он сам от основания и с правом владельца на оный построил в месте, именуемом Аниан в области Магелонской под замком Монкальм, и вышеупомянутый монастырь со всем имуществом и украшениями церковными, а также вместе с окрестными и прилегающими владениями совершенно осознанно изволил вверить в наши руки, и передал под нашу власть оную святую обитель, дабы мы защищали её и над нею господствовали.

Посему по таковому его прошению ради вечного воздаяния изволили мы наделить оную святую обитель бенефицием, строго и клятвенно притом повелевая, дабы ни граф ни един, ни же епископ или какой-нибудь представитель судебной власти в церкви, на земли и на поля либо иные владения сего монастыря, которые он изволит в настоящее время законно получить по нашему дарованию и утверждению либо от других верных; а также в любые земли, что уделены ему по милости Божией ныне либо впоследствии нами или другими будут прибавлены к законным владениям сей святой обители, не смел вступить ради слушания дел, либо для взыскания пеней (freda), либо ради постоя, либо за поручителями, либо с целью изъятия людей монастырских, как свободных, так и рабов, пребывающих на земле вышеописанного монастыря; не изыскивал никаких возмещений и незаконных поводов [для вторжения]; не требовал с них никаких налогов.

Но пускай сам авва сей, либо преемники его, или монахи упомянутой обители, нынешние, равно как и грядущие во имя Господне, благополучно ею владеют на условиях полного иммунитета, не смущаемые беспокойством или преследованием ни с чьей стороны, и да не смеют никогда они ни единому человеку платить какого-либо налога по какой-нибудь причине; но желаем мы, чтобы сия святая обитель находилась под нашей защитой и господством. Итак, постановляем и повелеваем, чтобы ни вы, ни наследники (iuniores) или преемники ваши, ни же кто из судебных властей ни в какую пору не дерзал беспокоить упомянутую обитель или требовать что-либо из вышеописанного в церквах, на землях или в полях, а также в остальных владениях вышеописанного монастыря; но пускай то, что мы во имя Господне и ради вечного воздаяния уже названному монастырю даровали, процветает и прибавляется в нескончаемые времена. И коли по зову Божию вышеописанный досточтимый авва Бенедикт либо его преемники преставятся от сего света ко Господу, то пускай изволят выбрать аввою наилучшего и нам во всём верного [инока] оной святой общины вышеописанного монастыря или любой иной обители, кто сможет оной святой общиной управлять согласно Уставу святого Бенедикта, на что пускай по нашему указанию (auctoritatem) и милостивому разрешению пользуются они вольностью (licentiam), и пускай по предписанию и согласию нашему пользуются они властью (potestatem) возводить их в должность, где им угодно, [и пускай совершают то] сами или через монахов своих либо с помощью каких-либо предстоятелей. И за это пускай оные рабы Божии, служащие ныне Богу, усерднее молятся милостивому Господу за нас, за супругу нашу и потомство, а также о крепости всего государства, Богом нам вверенного, и о сохранении его».

28. Сии [льготы] преславный король Карл предписанием своим передал досточтимому мужу Бенедикту, а ещё он получил по императорской хартии всюду земли, хорошие для пастьбы и пригодные для обработки. И одаренный императором великой наградой (honore) – сиречь почти 40 фунтами серебра, – он, поспешая, возвратился в свой монастырь в мире. А когда он вскоре достиг родной земли, то, разделив привезённое серебро, направил часть каждому монастырю в знак благословения. И одарён он был сим паче всех в наше время, а именно благосклонным и милостивым обо всех помышлением и заботой обо всех монастырях, как окрест, так и далече расположенных. Ибо ведь навещал он их часто и научал порядку святой жизни, а из того, что ему уделяли верные, он согласно числу насельников либо по мере возможностей передавал сильнее нуждавшимся побольше, едва нуждавшимся – поменьше; ведь он знал каждый монастырь и памятовал имена их [насельников]. Древесины же он не мог дать [вдоволь] каждому, поэтому, разделив на части, посылал по крайней мере, [сколько нужно] на изготовление крестов. Потому для всех [насельников] монастырей, находившихся как в Готии, так и в Провансе и Гаскони, он был как нежная и заботливая кормилица; и все любили его как отца, уважали как господина, почитали как наставника.

29. Также и нищим он уделял часть с величайшим усердием и не терпел, чтобы толики вдов употреблялись на другие цели – ибо знал он имена всех живших окрест инокинь и вдов. С радостью жертвовал он на выкуп пленных, и никто, как я думаю, не уходил от него неодарённым, но для всех он по возможности стал всем (*ср. 1 Кор. 9:22*). Сего ради каждый добровольно доставлял ему свои достояния, которые он употреблял на пользу нищих, бедных, вдов и пленных, а также монахов; так что получил от разных дарителей почти четыре или пять тысяч солидами и утварью для раздачи нуждающимся.

30. Огромна была его забота не только своих окормлять яством проповеди, но также всех, кого доводилось встретить ему. И питал он их хлебом небесным; а дабы сердце не предало забвению спасительную пищу, он, чтобы прочнее держалась она там, запечатлевал её обычно таковыми словами. «Будь, – молвил он, – целомудрен телом и смирен сердцем, поскольку неприемлемо Богу горделивое целомудрие и смирение нечистое». А иным он частенько внушал: «Если не в силах ты принять все заповеди, соблюди сию крошечную: «Уклоняйся от зла, и делай добро» (*Пс. 36:27*)». Последнее речение было столь близко ему, что перед смертью, собрав речения всех Отцов, он пожелал составить об оном целую книгу. Ну а братию, ему подначальную, он брашном жизни потчевал всякое время, сиречь на полунощницах, в капитуле, в трапезной.

31. А поскольку при попытке показать благоволение его, явно открылось множество его добродетелей, то, пожалуй, своевременно было бы нам по мере сил немножко подробнее поведать о них тем, кто не знает и желает узнать. Итак, всякому, принадлежащему к близкому кругу его друзей, ведомо, что любовью он превосходил всех. И всегда он скорее пытался сделать то, что считал полезным другим, нежели себе; а если поступал иначе, быстро исправлялся. И по великой любви к ближнему он, дабы привести ко спасению многих, обходил кельи других и пояснял им тёмные места святого Устава. Посему, преисполненный любви к ближним, он со множеством епископов, настоятелей, монахов долгие дни пребывал в Арле, поясняя несведущим канонические постановления и растолковывая гомилии блаженного папы Григория. Также, от полноты любви, он питал клириков и монахов из разных обителей, принимая в свою киновию, и, назначив наставника им, научал их священным рассуждениям. Из любви он посылал дары творившим ему обиды. Впрочем, не стоит труда излагать то, что куда лучше все наблюдали воочию, а весьма многие испытали в служении.

32. От строгости же первоначального подвига своего он малость отклонился, поскольку взялся за непосильный труд, но воля осталась та же. Ибо ведь с пахавшими он сам пахал, копавшим был сотоварищем, со жнецами жал. И хотя в том краю солнечный жар горяч и, подобно пламени огненному, исходящему из печи, скорее жжёт, чем согревает, он своим ученикам, страдавшим от чрезвычайного зноя, едва позволял выпить чашку воды прежде часа трапезы. Ибо утомлённые трудом, опалённые жаром, они более желали холодной воды, чем вина; и никто не мог возроптать на него, поскольку он претерпевал то же самое. Сие приносило им немалое утешение, ибо, когда он замечал, что сам изнывает от жажды, снисходительнее (humanius) обращался и с учениками своими; и не смел никто из работавших шумно болтать, но руки они занимали работой, а языки – псалмопением. Уста же уходящих и возвращающихся, а также работающих обращены были к размышлениям божественным. Часто видали мы, как он даже бил по ладони тех, кто пытался склонить его быть снисходительнее к себе в питье и пище. Часто мы наблюдали, как он умерял подаваемое ему блюдо, и, по рассказам келарей, когда другие пили вино, он чаще пил воду, за исключением суббот и дней воскресных. Часто мы удаляли из его пищи жир и всеми силами заботились о том, чтобы не нашлось там и крошечной частицы тёртого сыра. Мяса четвероногих он не желал вкушать со дня своего обращения [к иноческому житию] и до конца жизни, а если приходила какая немочь, вкушал куриной похлёбки. Также в течение многих лет он весенней порою отказывался от жира, но другим, сколько позволяли возможности, предоставлял то, в чём себе отказывал. И таково было рвение его, что если обнаруживал кого-нибудь пренебрегшим хоть фасолинкой, либо крошечным побегом порея, либо листом капусты, он немедля произносил подобающее отлучение тому, в

вине кого убеждался. А если же кто-нибудь подавал ему воды для мытья и, как это обычно бывает, лил щедрее, чем приличествовало, он обвинял его в прегрешении, а именно – в том, что не следовал он узкой стезе рассудительности.

33. Был у него и такой необычайный дар: если кто-нибудь, чей ум смущался помыслами, поскорее обращался к Бенедикту, то после его здравого совета беспокойное замешательство помыслов проходило. Часто даже, как мы узнали от правдивого брата, когда кто-нибудь, донимаемый вражьими помыслами говорил: «А пойду-ка я и открою вас дому Бенедикту», как тут же назойливое беспокойство отступало от него. Если же кто бывал отягчён более тяжкими провинностями, то, открыв ему сердце, получал припарку утешения; если тесним был недугом печали, то, обратившись к нему, вскоре уходил радостный.

34. И возросла толпа монахов, служащих Богу так, что стало их более трёхсот, и ради огромной общины их Бенедикт повелел выстроить такое здание, что, казалось, могло вместить тысячу и более человек, имея сотню локтей в длину и двадцать в ширину. А поскольку прочие обители не могли вместить братьев и начальствующих над ними наставников, он воздвиг в обителях сообразные кельи, где разместил их.

35. Как раз в ту пору случилось наводнение от дождей, и когда наставник с братьями почивали, внезапно в обе двери хлынула в изобилии вода и затопила дом со спящими. И придя в искренний ужас, братья поспешно поднялись. Банный же дом, с большим трудом установленный над рекою, вздувшийся поток грозил опрокинуть: сокрушительные воды с хриплым рёвом пробивались в него снизу и вот-вот должны были разрушить его. Почти в полночь все вместе сбежались в церковь, где сам Отец, пришедший первым, схватился за колокольный канат и повелел петь утреню и молить святых о заступничестве да к Богу единому взывать со слезами о милости. После многих молитв они пошли проведать, опрокинулся ли уже дом. Когда ж досточтимый муж шёл туда непроглядном ночном мраке, тёрн вцепился в голени его, и, охваченный чрезвычайною мукой, он слёзно взмолился Богу, дабы умирил Он наводнение. А когда они прибыли на место, обнаружилось, что вода спала на целый фут (pede). Тогда уж, уверившись в помощи Божией, они возвратились к сотоварищам, остававшимся в церкви, и, поведав о Божиих благодеяниях, все вместе благословили Бога.

36. Между тем, слыша о славе святости его и добрую молву о пастве его, некоторые епископы стали просить [присылать к ним] монахов ради примера [подвижнической жизни]. Один из оных епископов – Леидрад, архиерей Лионский, – желая воссоздать монастырь, что называется Варварским островом (*Insula-Barbara; монастырь Иль-Барб, переходя от одного монашеского ордена к другому, просуществовал на одноименном острове до Фр. революции. – прим. пер*.), испросил кого-нибудь, кто сможет показать ему начала благой жизни, и получил [таковых]. Ибо ведь Бенедикт, выбрав из своей паствы около двадцати учеников и назначив им ректора, направил их обитать в пределы Бургундские, где ныне по милости Христа-Господа, укрепляясь и процветая в святом подвижничестве, собралась огромная толпа монахов.

Также Теодульф, предстоятель Орлеанский, пожелав построить монастырь св. Максимина, просил у преждеупомянутого мужа искушённых в порядке Устава, а тот немедля дал ему на то согласие и направил к нему пару десятков монахов во главе с наставником. Оные же, подвизаясь с постоянным усердием, присоединили к себе

немалую толпу монахов; и поведаю-ка я, что там совершилось, когда досточтимый Отец пришёл их проведать. Ибо ведь, ожидая его прибытия, они ради обильной любви к нему со всяческим старанием позаботились о том, чтобы заготовить вдосталь рыбных и прочих яств не только для него, но также и для всей братии. Собрались братия, расспросили рыбаков, рыскали по рынку, но обнаружили такое безрыбье, что ни купить ничего не нашлось, ни поймать им не удавалось, и от таковой скудости чрезвычайная их объяла горесть. Меж тем прибыл наставник, они радостно его приняли, а он радостно приветствовал в ответ вышедших к нему навстречу, но за весёлым выражением лиц братья таили стыд. Потом случилось так, что некий брат, отправившись по какому-то делу, остановился близ реки Луары, и вот вдруг замечает, что около берега плавает громадная рыба, называемая щукой, каковую он, не мешкая, бросился ловить и, вытянув, доставил братии. И радость случилась о сем событии, но больше изумление; впрочем, все заявили, что сие произошло по заслугам досточтимого мужа Бенедикта, а сие я, если не ошибаюсь, узнал от правдивого брата.

Также Алкуин, родом из англов, саном левит (*диакон. – прим. пер*.), прославленный мудростью, заслуженно чтимый за святость, управлявший монастырём святого исповедника Мартина (что был некогда архиереем Турским) да и заслуженно пользовавшийся всяческим почётом при дворе преславного императора Карла, прослышав молву о святости человека Божия и удостоверившись в ней, привязался к нему с неизменной любовью, да так, что из тех писем, что он часто слал ему, собрав их воедино, составили книжку. Итак, принеся Бенедикту дары, Алкуин усиленно просил даровать ему монахов. А когда досточтимый Отец немедля дал ему на то согласие, он прислал лошадей, чтобы довезти их; и разместил их в построенном им монастыре Кормери (*просуществовавшем до Фр. революции. – прим. пер*.). Их тоже было, как мне кажется, 20 вместе с поставленным над ними наставником; а ради благого примера их подвижнического жития к ним присовокупилось великое множество монахов.

37. И думаю, что небесполезно было бы описать в сей книге, какие в то время по милости Божества совершались чудеса. Ибо ведь некий брат был послан перенести освященную дщицу (*tabulam sacratam, представлявшую собой плоскую раку в виде доски или диска, известную в историографии как «Tafelreliquiare». – прим. пер*.), в которую были вставлены мощи блаженного Дионисия (*Парижского, пам. 9 октября*) и других святых, из одной обители в другую; а он, следуя дальше, взял с собою щенков и, возвратившись через несколько дней, не омыл по беспечности одежд, а попытался освященную дщицу забрать. Взойдя на корабль, он устремился в путь (ибо оная обитель располагалась между озером и морем), но едва достиг земли и взобрался было на коня, на котором перевозил щенков, и подхватил дщицу, собираясь везти её, как поразила его кара Божия. Ибо конь в тот же миг стал крутиться веретеном, покуда брат не свалился наземь; притом дщицу, которую он выронил из рук, поймали невредимую. Конь тотчас издох, но и упавший не обошёлся без великого недуга, коим промучившись долго, обрёл, наконец, исцеление. А те братья, что по просьбе [иной обители] посылали мощи, услыхав о случившемся, послали назад другого брата. Он же, поскольку был священником, взял с собой крест с частицей древа Господня. А когда корабль вошёл в озеро, обрушилась на него мощная буря, но, едва он выставил против вздыбившихся волн крест, который носил на груди, шторм утих. А в обители, почивая, увидел он во сне мужа, дивно сияющего, который обратился к нему с таковым словом: «Если бы ты не взял с собой древа Господа моего, ни за что не спасся бы ты из того бедствия [и не добрался бы] куда хотел». И увещевал он его пешком доставить мощи, но, поскольку священник не

послушался, то, когда он привёз их в вышеупомянутую обитель, поражён был тяжкой болезнью. После ж сего он в той самой церкви, куда были доставлены мощи, повесил светильник (pharum), в чашечках коего было совсем мало масла, но наутро оказалось, что они полны. И происходило так трижды. Сие ж я узнал от них – с коими случились недуги.

38. В горах же, где братья обычно проживали, занимаясь выпасом овец, они соорудили себе для молений крошечную часовенку, а после того, как братья ушли из оного места, зашли туда женщины и, осмеивая монашеское обиталище, сказали одна другой: «Будь-ка ты аввой да стань на место его!» И вот, после того, как все они по чину расположились на молитвенном месте, как бы молясь, при попытке встать им сделалось дурно, и они легли; ибо, хотя обиталище оставалось пустым (иноки пребывали в нём только летней порою), женщин немедля постигла достойная кара. Их стали мучить головокружения, и они не могли избавиться от сей скорби, пока мужья их не догнали монахов, ушедших с гор с овцами, и умолили их вознести молитвы за безрассудных [жён]. Когда ж братья помолились, к ним сразу возвратилось здоровье.

39. Ещё как-то раз, прибыл в монастырь некий бесноватый – его привели родители, а расположили его в церкви Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. После того, как братья возносили за него молитвы во бдении, он обрёл здоровье и ушёл с миром.

Также пришла в монастырь женщина, одержимая нечистым духом, и братья оградили её в храме святого Иоанна Крестителя, что стоял на кладбище, молитвами и бдениями, после чего с помощью Божией она ушла исцелённая.

А если в храм, посвящённый в честь святого мученика Сатурнина, где поначалу обитал досточтимый муж, приходил кто-нибудь, страдающий лихорадкой, и немножко спал там, то, если не колебался верой, возвращался домой здрав.

Сие я узнал из рассказов тех многих, кто самолично пережил благотворное исцеление. Итак, сего немногого, что я сказал о чудесах, свершившихся в наше время, достаточно. Возвратимся же с Божией помощью к прерванному повествованию.

40. И преславный Людовик (*Благочестивый, прав. 781-814 гг.*), тогда король Аквитании, а ныне милостью Промысла Божия император всей обитаемой Церковью Европы, изведав святость жизни его, возлюбил оную паче всего и охотно повиновался совету его, так что даже поставил его во главе всех монастырей в своём королевстве, дабы всем показал он спасительное правило. Ведь, хотя были там некие монастыри, соблюдавшие канонические установления, однако предписания Устава им были неведомы. Повинуясь велению королевскому, Бенедикт объехал все монастыри, да не единожды только и не дважды, но много раз, объясняя им указания Устава – каждую его главу по-отдельности, известное закрепляя, а неизвестное возвещая. И вот Промышлением Божиим получилось так, что почти все монастыри, расположенные в Аквитании, приняли уставный вид.

41. Но извечно ненавидящий благие деяния противник невинности и мира (pacis) враг не мог спокойно допустить, чтобы святой долго пребыл в дружбе с благочестивым королём, и, не колеблясь, нанёс со своей стороны ущерб братской любви их, чтобы отнюдь не дать сохраниться ей нерушимою. Ведь поскольку

потерял он славу природы свой по причине гордыни, то и прилагает все силы, чтобы человек не достиг тех благ, кои он утратил, и мучительно для него, когда человек по милосердию Божию восставляется. А уж коли древний враг мучается от благости благочестивых и терзается, наблюдая их неодолимыми в усовершении, то отнюдь не диво, что немало найдётся и таких, кто его злобным деяниям подражает. И многих (что весьма прискорбно) удручают чужие добродеяния (utilitatibus), и наполняет их ненависть к тем, чьему примеру они не желают следовать. Итак, узнав о вышеупомянутых благополезных и богоугодных деяниях, враг, темнимый их множеством, вооружился стрелами зависти и выступил в бесчестный бой. Прежде ж всего он зажёг души клириков хулою на него, затем же уязвил сердца рыцарей при королевском дворе и даже совратил умы некоторых графов; и все вместе, распалившись пламенником зависти, не тайно, но уже явно изрыгая из духа своего пагубный яд, прилюдно вслух вопили, что сей постоянный молитвенник за души их есть циркумцеллион (*circillio, здесь. – бродячий монах, видимо, подобие сарабаита или «шатайки», с презрением описываемого во введении к Уставу св. Бенедикта. – прим. пер*.), охочий до чужого добра, и захватчик имуществ; причём неистовая их свирепость дошла до такого нечестия, что они попытались было против него возбудить дух светлейшего императора Карла. Но человека Божия, защищённого чистой совестью, ни хулы не волновали, ни лживые обвинения не страшили. Сего ради пожаловал он затем во дворец, куда некоторые пытались помешать ему войти, уверяя, что если предстанет он пред императоровы очи, родины более не увидит, ибо очень уж возгорелся на него гнев императорский. Однако бестрепетно следует он вперёд, положившись на милосердие Бога, Коему вверил надежду свою, готовый сражаться ради любви к Нему. Пускай обрекут его на тяготы изгнания – тем вернее приучит он дух свой служить Богу! Если ж извергнут его с начальственной должности, так об этом он, по его словам, только и мечтал доселе. Но прежде чем он предстал пред взором императора, Вышняя милость склонила дух его к таковой безмятежности, что, узрев гостя, император облобызал его и собственноручно поднёс ему кубок. И тот, кому завистники прочили изгнание с родной земли, возвратился в неё с великим почётом; ведь по устроению милости Божией, хотя его прежде пытались очернить, теперь славили; и кого старались облыжно вставить презренным, того досточтимым объявляли не только простецы, но и вельможи.

42. Затем ещё граф Гильом (*Оранжский или Святой или Желонский, граф Тулузский, св., ок. 750 —812 гг., пам. 28 мая*), славнейший паче всех при дворе императорском, с такой искренней любовью привязался к блаженному Бенедикту, что, презрев мирские достоинства, избрал его себе вождём на пути спасения, коим вознадеялся достигнуть Христа. И, получив дозволение на уход в монастырь (convertendi), со многими дарами – золотом, серебром и разнообразными драгоценными одеяниями – последовал за досточтимым мужем. После того он незамедлительно прошёл постриг и не позднее праздника апостолов Петра и Павла, совлекши златотканые одеяния, надел рясу христолюбца и немедля причелся к лику небожителей, разделив радость их.

А ещё находясь в мирском звании, вышеупомянутый граф повелел построить обитель в долине, отстоящей примерно в четырёх милях от монастыря блаженного мужа Бенедикта и называемой Желоною. Там-то он и предал житие свое Христову служению. А поскольку, будучи славного происхождения, он постарался стать во Христе славнее, прияв бедность, и высочайшие почести, полученные от роду, отверг ради Христа, то, думается мне, стоит поведать неосведомлённым о благочестивых деяниях иноческого жития его. Ибо ведь в обители вышеупомянутого досточтимого отца Бенедикта он немедля поместил своих монахов, заразившись примером коих, в

течение нескольких дней, он превзошёл в добродетелях тех, кто его обучал. А при подмоге сыновей своих, коих он поставил во главе своих дружин, и с помощью соседней-графов он быстро довёл до завершения начатое строительство монастыря. Причём обитель сия столь отдалённая, что обитатель её и не пожелал бы пустыни. Притом отовсюду её окружают облачные горы, и нет никому туда доступа, кроме тех, кого доброхотный дух увлечёт туда на богомолье. Но такового исполнена она очарования, что если кто решит служить Богу, то другого не пожелает места: там ведь в наличии виноградники, которые повелел насадить вышеупомянутый муж, а также множество садов, состоящие из разнообразных дерев различного рода. Владений он приобрёл изрядно. Ибо ведь по его просьбе светлейший король Людовик весьма расширил пределы [земель сей обители] и на обустройство её, выделив из своей казны, даровал ей многочисленные священные облачения, снарядил её золотыми да серебряными чашами и патенами, привёз с собой множество книг, алтари облачил в золото и серебро.

В сию-то обитель вступив, Гильом целиком предался Христу, не оставив ничего от следов мирского тщеславия. И такового он потом достиг смирения, что почти никто из монахов не смог бы так поклониться, чтобы при случайной встрече не уступить ему в смирении. Часто видали мы, как он, погоняя осла своего, доставлял бочонок вина в кладовую, и как он верхом на оном животном вёз на плече чашу братьям нашего монастыря в пору жатвы, спеша утолить их жажду. В бдениях же он был так неутомим, что превосходил всех. На мельнице, если ему не препятствовали другие занятия или болезнь, он работал собственными руками. Кухарничал в свою очередь. В поведении он достиг высшего образа смирения; любил пост, усердствовал в молитвах, постоянно сокрушался и едва мог принять Тело Христово, не излив прежде наземь потоков слёзных. Он рьяно добивался ложа жёсткого, но ради нездоровья его отец Бенедикт, несмотря на его нежелание, принудил подстилать тюфяк. Иные молвят, что он часто ради любви Христовой повелевал себя бить плетью, но не знал об этом никто, кроме присутствовавшего при том. Около полуночи, оцепенев от ледяной стужи, прикрытый одним худым покрывалом, он часто стоял, ведомый лишь Богу, предаваясь молитвам, в построенном им храме в честь Святого Михаила. Прожил он, принеся урожай сих и иных добродетелей, немного лет, а осознав приближение смертного дня, он повелел письменно известить почти все монастыри, находившиеся в королевстве государя Карла, о том, что преставляется от мира. И затем, обретя множество добродетелей, он по зову Христову преставился от сего света. Сказанного для желающих разузнать о сем, довольно; а мы возвратимся обратно к прерванному повествованию.

43. Хотя безумцы всё более и более осмеивали досточтимого авву Бенедикта, благочестивейший король Людовик всё глубже проникался к нему любящей привязанностью, зная обыкновение любителей сего мира противиться успехам праведных. Королева тоже почитала его с благоговейным чувством и, зная праведность его, охотно выслушивала да весьма часто удостаивала его своих даров. А поскольку толпа учеников его возрастала, а в месте, где он проживал, почва была неурожайна и почти бесплодна да к тому же выжжена солнечным жаром, подарил ему король монастырь, что располагается в краю Оверньском, что основал происходивший от королевского семени святой Менелей (*ум. 720 г., пам. 22 июня*), чьё тело там и покоится. Туда он направил двенадцать монахов, назначив им настоятелем мужа высочайшего благоговения именем Андоар, пребывавшего с ним **с** самого начала своего иноческого жития, мужа дельного и многими трудами истощённого. А по мере того, как они трудились и подвизались во святом усердии, примкнули к ним ещё семьдесят или более человек, блюдущих по мере сил

монашеское житие. Как-то раз, когда в сей монастырь пожаловал высокочтимый авва повидать братию, получилось, что он вошёл в монастырскую сию обитель не с в той части, где настоятель с братией своей ожидали его прибытия, а с той стороны, где расположена церковь в честь Бога и Спасителя нашего. Там братья как раз поначалу жили, но поскольку помещение то было тесное, светлейший король переселил их в вышеупомянутый монастырь. Братья же, оставленные подготовить келью, завидев авву вместе с его спутниками, возрадовались, а так как нищета их была велика, то и опечалились. Однако поскольку, где есть любовь, там и малости достаточно, повелел начальствовавший над братьями отроку принести вина, на что тот немедля молвил: «Вина в бочонке совсем не осталось». Ибо ведь братья, уходя, оставили им два маленьких бочонка, в коих было чуточку вина, которое они при служении мессы использовали и по воскресеньям выпивали по глотку. И наставник обители той, услышав, что вина в бочонке нет, огорчился, но с упованием молвил: «Поди и принеси нам [что там есть], дабы ради любви Отца нашего поспешившие навстречу ему, попили и хватило им». Брат пошёл, а когда он достал затычку, потекло вино. А ведь он прежде уже пытался добыть [вина оттуда], но возвращался, ничего не обнаружив. Он возвещает о том, что получилось; присутствовавшие прославляют Бога и объявляют, что свершилось сие ради заслуг дома Бенедикта. Итак, попили они вволю и взяли с собою в качестве благословения. Да и дом Бенедикт, придя со спутниками своими, отведал сколько нужно было и взял часть с собою в дорогу. Ну а после сего бочонок перестал источать вино. Притом сообщаю я сие по рассказам тех братьев, что видели то и доныне могут о том засвидетельствовать.

44. Прибыл он и в другой раз снова в тот монастырь, и вот, после долгой проповеди и благочестивого собеседования, собираясь уходить, он даёт братии целование мира. И подошёл среди прочих некий брат с намерением поцеловать его, всмотревшись в коего, человек Божий замер и ненадолго отказал ему в целовании мира. Укорив же его сообразно (чему мы были удивлены), облобызал он брата. После него пришёл среди прочих другой брат, с коим он поступил так же; затем он, наконец, попрощавшись с братией, отбыл. На другой же день после его ухода выяснилось, что оные братья намеревались предпринять побег. Уразумели мы тогда причину, по каковой досточтимый авва не спешил целовать их: Святым Духом ему было открыто их дурное желание, и хотя он открыто его не выдал, однако во спасение укорил смущённую совесть их.

45. Также светлейший король подарил ему другой монастырь, куда Бенедикт послал (насколько мне ведомо) двадцать монахов и назначил им настоятеля. Располагался же монастырь оный в области Пуатье и освящён в честь святого Савина. Поскольку братья, вселившиеся в него, неусыпно и тяжко трудились во святых подвигах, то присоединилась к ним немалая толпа монахов. Ещё и другим государь пожаловал авву монастырём, что расположен в области Буржа, и там он разместил около сорока монахов, назначив им и настоятеля. А поскольку обитель сию приходилось отстраивать и оснащать наново, он оказал её помощь, подарил книг и священных облачений. А монахи оные, процветая во святом иноческом житии и являя собой образец святого подвизания, притом стараясь сохранять единство духа в союзе мира (*Еф. 4:3*), заполнили овчарню Христову превеликим стадом монашеским.

46. Также некто Вульфар по имени, не имевший родственников, будучи мужем высокопоставленным и благородным, отписал ему в пределах Альби землю для постройки монастыря, куда авва тоже послал около двадцати монахов под

руководством настоятеля, а поскольку этот монастырь тоже был новой работы и им пришлось потрудиться над довершением его постройки, он снабдил их множеством книг, предоставил священные облачения, распорядился, чтобы у них была золотая чаша и патена, крест и всё, что, как предвидел, должно было понадобиться. Они ж, подвизаясь как в созидании вещественном, так и в назидании душ, а также в устроении жизни по святому Уставу, приобрели великую паству иноков, служащих Христу-Богу.

47. По кончине же светлейшего императора Карла, когда заботу об империи принял на себя его сын Людовик, король Аквитанский, повелел он Бенедикту идти в пределы Французские и назначил ему в Эльзасе монастырь Мармутье, где он разместил многих давних своих сподвижников из Аниана. А поскольку вышеупомянутая обитель располагалась от королевского дворца на большом расстоянии и не поспевал он в подобающее время прибыть по зову, а императору он во многих случаях был надобен, угодно было императору предоставить ему недалеко от дворца удобное жильё, где бы он мог приютиться вместе с немногими [учениками]. Таким образом, назначив настоятеля братии, пребывающей в Мармутье, сам он с несколькими [иноками], повинуясь императорской воле, приехал [туда].

48. Была же по соседству долина, отстоявшая от дворца, думается мне, милях в шести, не более, что угодна была очам человека Божия. И повелел император построить там монастырь дивной работы, названный Индой, что является изменённым названием ручья, протекающего в той долине. Император присутствовал и при освящении же церкви; и повелел преобильно одарить её из своей казны и наделил иммунитетом, и дал письменное постановление, чтобы там постоянно пребывали, служа Христу-Богу, тридцать человек монашествующей братии. Посему, чтобы исполнить это число, досточтимый авва велел прийти из упомянутых монастырей отборным братьям, дабы наставлять их своим примером, а они служили бы образцом спасения прочим, доколе не пополнят их ряды те из жителей оного края, кто, оставив по наитию благодати Божией мирскую тщету, пожелает воинствовать Царю вечному.

49. И стал после того человек Божий во дворце частым гостем и ради блага многих терпел давно уже покинутую суматоху. Ибо ведь всякого из тех, кто, будучи удручаем чужим гнётом, приходил к нему просить императорской защиты, он, охотно принимая, лобызал и жалобы их, запечатлев в записке, при удобном случае представлял императору. Привыкнув к этому, светлейший император неоднократно, ощупав его манипулу и рукав, находил записки (ибо по причине забывчивости он обычно носил их в таких местах) и читал найденное, а затем, поразмыслив, как правильнее поступить, принимал решение. Ведь император такого рода жалобы выслушивал охотно и ради сего настоятельно требовал, чтобы он бывал во дворце как можно чаще. Ведь советы о правлении государством, об устроении провинций и о его собственных выгодах давали весьма многие, а о бедствиях несчастных ему так не сообщал никто, и никто так, как он, не мог поведать королю о бедности монахов. Ибо он был несчастным заступником, монахам же – отцом; нищим – утешителем, монахам же – учителем; богатых пищею жизни потчевал, а в умах монахов запечатлевал правило Устава; и хотя заботился о благе всех, однако о нуждах монахов настоятельно ходатайствовал.

50. И подчинил ему император все киновии в государстве своём, дабы, как он наставил правилом спасения Аквитанию и Готию, так чтоб и Франции преподал спасительные уроки. Ведь хотя было много монастырей, когда-то начинавших жить уставно, но по мере постепенного охладения строгости уставный порядок в них почти пропал. И когда по императорскому повелению собрались настоятели киновий, Бенедикт вместе со множеством монахом много дней заседал, [обсуждая, как достигнуть того], чтобы все монастыри, принадлежа к единому ордену (professio), следовали также единому здравому обычаю. Итак, он на глазах у всех сызнова разбирал [Устав], тёмные места всем поясняя, разрешил сомнения, устранил давние заблуждения, утвердил благие обычаи и настроения. И вот, доведя до благополучного завершения обсуждение Устава и всех сомнительных мест, он те обычаи, что менее подробно были раскрыты в Уставе, с общего согласия уточнил и представил о сих вопросах постановление капитула императору на утверждение, дабы он предписал всем монастырям, находящимся в его государстве, соблюдать сие (к коему постановлению мы и направляем любознательного читателя). Император сразу дал на то своё согласие и поместил в каждый монастырь наблюдателей, дабы присматривали за соблюдением повелений, а до несведущих доносили здравые указания. Таким образом с поддержкой милосердия Божия дело совершилось и распространилось, ибо всем было положено соблюдать единый Устав и все монастыри были возвращены к такому единообразию правил, словно бы единый их научал наставник во единой обители. Им всем было предписано соблюдать единообразную меру в питии, в пище, в бдениях, в пении. А добиваясь соблюдения Устава в других монастырях, он со всяческим рвением наставлял своих учеников, живущих в Инде, так, чтобы монахи из других краёв, обращаясь к ним за научением, не имели нужды, так сказать, в громких словах, но видели воплощение уставных правил и подвига в нравах, поведении и облике каждого.

51. Ради нерассудительной ревности многих и негодной теплохладности некоторых, а также тупоумия немногих он установил предел и всем сообщил порядок, который подобало соблюдать: первых остановив, дабы не стремились к чрезмерности; вторым велев стряхнуть вялость; третьих же увещевая, чтобы постарались исполнить хотя бы предписания церковные (visa). Ведь Устав велит исполнять много, а в каждодневном обыкновении требуется выполнять ещё больше предписаний, о которых Устав умалчивает, но все они, словно бы каменья драгоценные**,** украшают монашескую жизнь (habitus), а без них она обязательно рассеивается и превращается в нестройный поток. И допускает он несколько послаблений либо ради общего согласия, либо же ради соблюдения благочиния, или по снисхождению к немощи. Вот почему всё, что оказалось надлежащим к соблюдению, святой памяти досточтимый авва постановил исполнять без малейшего промедления и ложных оправданий. А что он по известным причинам считал заслуживающим послабления или находил подлежащим изменению, то мог, исходя из возможностей и местных обстоятельств, передавать на усмотрение своих учеников. Если же буква (pagina) Устава гласила о чём-то менее ясно либо вообще умалчивала, он то разумно и сообразно уточнял и дополнял. О чём, споспешением Божиим укрепляемый, я коснусь в кратком изложении.

52. Итак, прежде, чем бить в колокол к ночному часу, он велел звонить в колокольчик в опочивальне братии, дабы сначала монашеская община, укрепляемая молитвами, расселась по своим местам, а уж затем открывали двери и позволяли войти гостям. Поднявшись же поспешно – как предписывает Устав, – братья окропляются святой водой и со смирением да благоговением обходят все алтари и, встав, наконец, на своих местах, приуготовляются так, чтобы с третьим ударом

колокола беспромедлительно встать и с напряжённым вниманием ожидать священника, коему по жребию выпало совершать службу. И никому из тех, кому подобает войти, не позволяется в этот промежуток времени стоять по углам церкви, но надлежит, сидя по отдельности в хоре, воспевать установленные псалмы. Ведь он повелел петь пять псалмов за всех живых на кругу земном верных, также пять – за всех верных почивших; причём он постановил непрестанно петь ещё пять псалмов за тех, кто недавно почил, поскольку весть о смерти каждого не приходит сразу. Прочитав же пять псалмов, он склонялся в молитве, вверяя Богу тех, за кого [оные псалмы] воспевал, и тогда уж приступал к прошениям за других. И не должно быть тягостно благочестивому умолять, павши наземь, Царя вечного всё одними да теми же псалмами; и да не страшится никто склонить голову, подобно волу (*ср. Ис. 34:7*), при отдельных словах, тем более что таким образом стяжается благодать Божия и пробуждается пыл сокрушения.

Ну а в летнюю пору по исполнении утрени он тут же повелевал [братьям] выйти из церкви, чтобы вздремнуть (propter somnolentiam), а затем, обувшись и умывшись, вновь поспешно вернуться в церковь, благоговейно обойти в уже упомянутом порядке алтари, а затем, окропившись святой водой, ступить на отведённые им места, чтобы достойно исполнить дневную службу, каковые молитвы они завершат по римскому обычаю псалмом 118-м, дабы быть готовыми, когда колокол пробьёт первый час, снова поспешить на хор. А в колокол он велел бить так долго, чтобы все во время его звона успели собраться, когда ж звон прекратится, священник должен начать службу часа. По завершении Первого часа их подобает распустить, дабы они вместе собрались на капитул, а когда оный завершится, то должно им в тишине либо с псалмопением отправляться на возложенные на них работы. Также и остающимся в монастыре не велено заниматься праздными беседами, но по парам или даже в одиночестве петь псалмы на кухне, в мукомольне, в кладовой. После же комплетория, как постановил он, никому не следовало ни покидать храма по собственному усмотрению, ни оставаться в нём; но в зимнюю пору сначала спеть десять псалмов, а в летнюю – пять, а затем под удары колокола все вместе должны вышеупомянутым образом обойти все алтари, и уж тогда каждому идти почивать на ложе своё.

Итак, он предписывал обходить алтари в день сии три раза; причём, чтобы в первый раз они пели Молитву Господню и Символ веры, а в остальные – Молитву Господню, либо исповедали свои прегрешения. В часы же дневных молитв каждому подобает отправиться на своё место, чтобы помолиться там, ну а если желает молиться отдельно, то позволяется сие творить ему в любые свободные часы. Итак, он установил сию трёхразовую молитву для того, чтобы те, что из-за вялости своей медлят и небрегут молитвой, хотя бы принудительно делали то, чего добровольно творить не желают, и не смели оставлять установленных часов; а те, что пылают чрезвычайной любовью, удерживались от того, чтобы чрезмерно добиваться [молений] дополнительных. Ибо обычно случается так, что кто-нибудь надорвёт силы из-за чрезмерного бдения ночью, а в часы, когда подобает усердно творить божественное псалмопение, отягчённый сном не в силах исполнить долг перед Богом.

Ещё различен был у многих и покрой хабита: так, капюшоны у некоторых свисали аж до пят. По каковой причине человек Божий постановил, чтобы все монахи держались единообразного вида [капюшона]: он величиной не должен превосходить двух локтей или достигать колен. По причине необходимости позволил он также сверх предписаний Устава иметь им пару сорочек, штаны, а также кожаные плащи с

накидками и пару шапок; и всё, что бы ни показалось ему необходимым, он допускал и позволял, чтобы отсечь любой повод к двусмысленности.

53. В письме к императору он представил обоснование того, почему некоторые положения, которые Устав предписывает, следует по определённым причинам оставить без применения, а нечто, о чём он умалчивает, полезно восполнить. Ибо ведь всё желание своё он обратил на соблюдение Устава, и чрезвычайно велико был**о** его радение о нём, и ничто не ускользало от его разумения. По каковой причине он внимательно расспрашивал тех, кого считал знатоками, поблизости ли, далеко ли они находились, ну а тех, кто проходил оными краями на Монтекассино, он [спрашивал] не только о том, что они узнавали понаслышке, но и что повидали. Ради каковой любви к знанию он сразу принимал всякого, кто мог ему сообщить что-нибудь новое, и с величайшим почтением беседовал с теми, кто помог бы ему узнать доселе скрытые смыслы Устава; и разъяснял его он не то чтобы новичкам, но самым мудрым, признаваясь, что новое и неслыханное узнавал не только от знатоков, но даже и от людей попроще. Наконец, он распорядился составить книгу [выдержек] из уставов различных отцов, так, чтобы первым шёл Устав блаженного Бенедикта, и приказал всё время читать её на коллекте утрени. Затем, дабы доказать спорщикам, что среди повелений блаженного Бенедикта не было ничего малозначного и пустячного, но его Устав поддерживается другими, он, собрав предписания уставов, составил другую книгу, которой дал название «Согласование уставов» (Concordia Regularum), поскольку [составлена она была] так, что [в ней] сначала приводилось предписание блаженного Бенедикта, а за ним сообразно следовали друг за другом соответствующие [указания иных отцов]. Кроме того он составил другую книгу проповедей святых учителей, произнесённых для увещания монахов, и приказал всё время читать её на коллекте вечерни.

54. Также увидел он, что некоторые всеми силами добиваются приобретения монастырских киновий, причём не только завладевают ими за деньги, но и даже подношениями добиваются и расточают на свои нужды средства, выделяемые монахам, и из-за этого некоторые [обители] разоряются, иными же после бегства монахов завладевают светские клирики. По этой причине направился он к благочестивейшему императору и настойчиво умолял, чтобы воспретил он клирикам такого рода притязания, а изгнанных монахов оградил от сего бедствия. Преславный император дал на то своё согласие и, перечислив все монастыри в своём государстве, указал, в каких из них могут быть настоятели-иноки (Regulares Abbates), и предписал, чтобы они оставались несменными, что и утвердил в хартии, скрепив оную отпечатком собственного перстня. Так он изничтожил и алчность многих, и страхи монахов заодно.

Были также среди них (монастырей) некоторые отягчены податями и военными повинностями, из-за чего дошли они до такой нищеты, что монахам недоставало пищи и одежды. Рассмотрев сие, благочестивейший король по совету вышеупомянутого мужа предписал по возможности позаботиться о том, чтобы ни в чём не испытывали недостатка слуги Божии, а за то пускай они горячо молят всемилостивого Господа за него, и за потомство его, и за благосостояние всего государства. Тем же монастырям, что остались под властью каноников, он отдельно выделил то, с чего они могли бы жить согласно уставу, прочие же передал авве.

55. И, думаю, не следует умолчать о том, что случилось по Божией воле, когда он, следуя повелению императора, отправился на всеобщее законодательное собрание (generale placitum). Ибо, хоть и изнурённый тяжкой болезнью, он поехал

туда, повинуясь королевскому приказу, но, вооружившись любовью, готовился походатайствовать о делах многих. Но оный враг, что всегда ненавидит благочестивые деяния, желая нанести ущерб спасению благочестивых, постарался помешать сему [мужу] на пути его таковым ухищрением: он, почти незаметно для погонщиков, разогнал по лесному простору лошадей, на которых тот ехал. Но человек Божий, нисколько не опечалившись от потери лошадей, бодро направился ко вратам королевского дворца. После того ж, как он закончил с ходатайствами по делам монастырей и монахов (о коих было у него огромное, постоянное и искреннее попечение), король целиком восполнил ему число [потерянных] лошадей. Ну а через месяц потерянные кони вернулись и, таким образом, устроено было свыше, что, раз он не скорбел о потере, то двойное получил приобретение.

56. После того начали сокрушать его различные и многообразные болезни, и стал он приуготовлять тельце своё, сокрушённое за многие годы постоянными бдениями, непрестанным плачем и суровейшими постами, трудами да размышлениями, к новому сражению: дабы, одолев пороки, завладеть твердыней добродетелей; препоясавшись оружием терпения, вступить в решительный бой с недугами и, одолев врагов, принять от Царя своего двойной победный венец. Чем крепче поражала его болезнь, тем внимательнее он всё больше и больше упорствовал в молитвах или в чтении. Никто не видел его праздным и отнюдь никто – вялым в деле Божием, никто не заставал его занятым суетными и пустыми беседами. Ибо он либо сам занимался чтением, либо внимательно слушал читающего. Кто когда-нибудь увидел его в одиночестве, чтобы он при этом не плакал? Кто, внезапно войдя к нему, видел щёки его сухими, [а его самого] не заставал при этом полностью простёртым на земле либо стоящего с простёртым к небу руками, либо увлажняющего страницы Священных Писаний обильными слезами, вытирая глаза кулаками? Телесные силы убывали, и, хотя воля его оставалась твёрже адаманта, он уже сам едва выдерживал некогда возложенный на себя подвиг. Мяса четвероногих он не потреблял в пищу со дня своего ухода в монастырь, и едва когда позволял себе искупаться даже в последние дни жизни, когда он был сокрушён недугами. Одежду он обычно менял раз в сорок и более дней. И велел он, чтобы читали ему о житии и кончине святых отцов, и укрепляемый сим чтением дух его мужественнее претерпевал [испытания]. О благий Иисусе! Какими воздыханиями и рыданиями полнился дух его, пылая желанием разрешиться и быть со Христом! Притом, однако, поскольку нужнее он был братии, то сносить труд [жизни] он не отказывался (*ср. Флп. 1:23*).

57. Болезнь же усилилась, и после дружеского разговора с императором, его доставили в монастырь, где, попрощавшись с братией и проведя целую ночь в молитвах и псалмопении, он в тот же день совершил уставное богослужение. А когда он на другой день закончил уставное богослужение и захотел ещё исполнить молитвенное правило (cursum), тогда, дойдя до места «Праведен Ты, Господи» (*Пс. 118: 137*), молвил, воспевая этот стих: «Умираю» и добавил: «Сотвори с рабом Твоим по милости Твоей» (*Пс. 118: 124*); и так, посреди молитвословия, испустил украшенный добродетелями дух.

Однако сохранились любезнейшие паче всяких богатств письма его, которые он за день до преставления от мира продиктовал собственными устами братьям, находящимся в Ниане, и засвидетельствовал в них, что они более не увидят лица его. Говорят также некоторые, что в тот час, как он преставился ко Христу, епископу Стабилию Магелонскому было откровение о его кончине; и тот, от сна восстав, немедля поведал своим о случившемся. Кончины же его мы коснулись так бегло

потому, что братья, присутствовавшие в то время [рядом с ним], изложат то подробнее, что показано на следующей странице.

58. Итак, авва Бенедикт, уроженец Готского края, с детской поры и до юности служил (militavit) при Пипине короле франкском, а после его кончины – при Карле, сыне его. После ж сего, покинув дворец, он принял облачение настоящего монаха в монастыре святого Секвана в Бургундском краю, где провёл два с половиною года, непрестанно служа (militavit) Богу. Но обнаружив, что Устав там едва соблюдается, он перебрался в пределы Готии, где на реке Ариане собственными руками построил сначала келью, а затем вместе с братьями, которые перешли под его руководство из любви ко Христу, – монастырь новой работы, в котором, спустя недолгое время, под его руководством оказалось триста монахов. Когда ж почил император Карл и власть принял его сын Людовик, он велел Бенедикту, досточтимому мужу вместе с некоторыми из своих учеников приехать во Францию и сначала подарил ему монастырь Мармутье в области Эльзасской, но затем, из любви к нему, близ Ахенского дворца на реке Инде воздвиг для него монастырь новой работы. Чрез сего-то Бенедикта и восстановил Господь Христос Устав святого Бенедикта во всём государстве франкском. Под его руководством находилось двенадцать монастырей: Аниан, Геллон, Каз-Нёв, Иль-Барб, Менат, Сен-Савен, Сен-Максимен, Муассак, Кормери, Селль-Нёв в областе Тулузы и Мармутье в Эльзасе, Инда, построенная по приказу императора для проживания ему и ученикам его и одаренная из королевской казны. В каждый из них он послал прошедших его выучку монахов и ректоров. Притом величайшее попечение имел он обо всём составе (ordine) церковном, сиречь о монахах, канониках и мирянах, но паче всего – о монахах. Император же охотно всякого его совета слушался и следовал ему, за что некоторые прозывали его «Монахом», ведь из-за любви к святому мужу он всегда называл его монахов «своими», а после кончины оного открыто объявил себя настоятелем его монастыря.

Итак, святой муж ради прибытка верных, а не ради земных дел пребыл до самой кончины своей во дворце королевском, что находился близ монастыря, в котором он проживал. А за четыре дня до исхода своего, ещё здоровый, он напомнил императору всё то, что обычно ему говорил. И в тот же день, охваченный горячкой, немедля отправился в обиталище своё. А на другой день, услыхав о том, все императорские вельможи пришли его навестить. И таковое там собралось множество епископов, настоятелей и монахов, что нам, ухаживавшим за ним, едва было возможно подступить к нему. Элисакар же первым из настоятелей пришел к нему и пребыл с ним до самой его кончины.

Итак, заболел он в четверг, а в ночь пятницы послал император Танкульфа, камерария**,** с повелением нам перенести его той же ночью в монастырь. И мы, подняв его до пения петухов, вместе с Элисакаром, с его и нашими людьми к первому часу дня доставили его в монастырь.

Когда ж настал третий час дня, он приказал всем выйти и до шестого часа оставался один. Затем вошли вышеназванный настоятель и наш, чтобы осведомиться, как он. Каковым он ответил, что никогда не чувствовал себя лучше, и добавил: «Только что я среди хора святых предстоял пред Господом». А назавтра, созвав братьев, он дал им спасительные наставления и затем признался им, что прошло сорок восемь лет с тех пор, как он стал монахом, в каковые годы он ни в один из дней не вкушал хлеба, не пролив прежде слёз перед Богом. В тот же день он послал краткое увещание императору и направил другие [распоряжения] в различные монастыри.

Сей поистине досточтимый муж, начиная за пять лет и два месяца до кончины своей, самостоятельно пел всякое богослужение своё, как мы обнаружили в записях, оставшихся после его смерти, и как он сам сказал кому-то при жизни.

Скончался же он семидесятилетним в третий день до февральских ид года от Воплощения Господня восемьсот двадцать первого, индикта четырнадцатого, епакта солнечного первого, а лунного – четырнадцатого, на девятом году правления Людовика, благочестивейшего императора.

А через три дня мы открыли его гробницу и переместили его в каменный сосуд, подготовленный императором. Обнажив же лицо его, мы и увидели на его лбу, около глаз и на устах такой румянец, какового у него и при жизни не было. Так сие пережив, и так себя чувствуя, мы, слуги твои из монастыря Инда, а именно Дейдон, Левигильд, Бертрад и Дезидерий, желаем тебе, Ардо, нашему нашему, здравствовать в Господе и просим твою милость: по мудрости, дарованной тебе Богом, составь книжицу о житии отца нашего Бенедикта и пошли нам. Приветствуют вас все братья наши, и вы приветствуйте братьев наших! Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ